

•
ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО
•

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ЕКАТЕРИНЫ БАРСОВОЙ
В СЕРИИ «ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ПРОШЛОГО»:

ПРОКЛЯТИЕ ТИТАНИКА
ГРААЛЬ КЛАНА КЕННЕДИ
НОЧЬ НА ПЕРЕВАЛЕ ДЯТЛОВА
РОКОВОЕ ПРОРОЧЕСТВО РАСПУТИНА

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

• РОКОВОЕ ПРОРОЧЕСТВО •
РАСПУТИНА

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Оформление серии *С. Груздева*

Барсова, Екатерина.

Б26 Роковое пророчество Распутина : [роман] / Екатерина Барсова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Великие тайны прошлого).

ISBN 978-5-04-088908-2

Популярность «черного» гения императорской семьи Григория Распутина чрезвычайно велика — что при жизни старца, что через сотню лет после его смерти. В начале XX века тайна его гибели так и не была до конца раскрыта. В наши дни расследовать все обстоятельства его убийства берутся молодой ученый Василий Курочкин и его аспирантка Анна. Им в руки попадает дневник девушки, которая некогда входила в круг почитательниц Распутина и подробно описывала жизнь своего кумира. Но тема убийства Распутина волнует не только скромных ученых, документами заинтересовались и сотрудники некой секретной организации, на которую, как оказывается, работает родственница Курочкина. И так ли случайно именно в это время едет в странную заграничную командировку сестра Анны, известная телеведущая? Или даже после смерти «святой чёрт» влияет на жизни людей, которые решились приблизиться к разгадке его тайны?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Барсова Е., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-088908-2

ПРОЛОГ

Требующий возмездия поступает несправедливо, вне зависимости от того, проявляет ли он это на деле, словом или же только замыслил.

Климент Александрийский

Он ощущал странное беспокойство с самого утра, это беспокойство поселялось в нем редко. Но если оно появлялось — пиши пропало. Беспокойство рождалось где-то в глубине души, как древняя интуиция первобытного человека, которую не стерли века цивилизации. Необходимость носить дорогой костюм, часы определенной марки, иметь атрибуты той самой сладкой жизни, о которой повествуют страницы глянцевого журнала, — все это входило под определение «российский олигарх». И было применимо к нему.

По-другому нельзя, если ты хочешь, чтобы тебя принимали за своего в узких кругах международной элиты — существуют правила игры, и будь добр, следуй этим правилам. Все в мире регламентируется и учитывается. И он это прекрасно понимал...

Подспудно он ждал звонка, почему-то казалось, что звонок развеет или подтвердит его худшие опасения. Что-то случилось в этом мире, но вот — что? Он пока не мог подобрать этому название. Мятный чай казался слишком сладким, а воздух

слишком прохладным. Чересчур для весны. А весна никак не наступала. Впрочем, через пластиковые окна трудно было определить — как скоро эта весна наступит.

Он потянулся так, что хрустнули пальцы, и решил посмотреть сводку новостей. Но та новость, которая его беспокоила, не будет отражена ни в одной поисковой системе и не выйдет на первые полосы Гугла. Это другое. Строго засекреченный круг новостей, новости тоже могут быть «для своих», как гольф-клуб или закрытая пати. Куда посторонним вход строго воспрещен. Точнее — нежелателен.

Но телефон молчал. Вошел секретарь, положил папку с бумагами на стол и так же бесшумно удалился.

Наконец раздался звонок, которого он ждал. Это был человек, имевший к нему круглосуточный доступ. При первых звуках его голоса он сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться, и досчитал до десяти — иногда это помогало, но не сейчас, когда ожидание уже превратилось в манию — беспокойство, что все пошло не так, как было задумано изначально. Но он услышал то, что ожидал.

— Нашлись материалы, связанные с Распутиным.

В горле пересохло, и он нетерпеливо кашлянул. А потом, выдержав легкую паузу, сказал:

— Надо отправить туда человека, и как можно скорее.

ГЛАВА 1

ПОЛЯРНАЯ СОВА И ГЛОБУС

*Только стечение обстоятельств открывает нашу
сущность окружающим и, главное, нам самим.*

Франсуа де Ларошфуко

Надо было выходить из ванной, готовить завтрак и ехать на работу, но делать этого решительно не хотелось. Анна включила кран и сидела, слушая, как течет вода. Она всхлипнула и зажала рот рукой. Не хватало только, чтобы услышал отец.

С утра они уже крепко поругались. Ссора, как всегда, началась с пустяка, с того, что она, не сдержавшись, ответила ему. А отец, с запавшими глазами и трясущимися руками со вчерашнего похмелья, был только рад разгоревшемуся огню. Анне казалось, что эти ссоры-скандалы нужны отцу позарез, они бодрят его, дают ему чувство значимости и власти. Тогда как Анну — опустошают и обессиливают. После таких ссор ей ничего не хочется — только лечь на диван, накрывшись пледом, и полностью отключиться от всего мира.

Разъехаться с отцом-алкоголиком — никакой возможности. Их маленькую двушку ни один серьезный риелтор в разработку не берет, а если заниматься разъемом по-настоящему, то максимум, на что можно рассчитывать — две комнаты в ближнем Подмоскowie. И все. Куда отец, есте-

ственно, ехать не собирался. Он вообще не хотел разъезжаться, а когда Анна заикнулась об этом, громко выругался и сказал, что она свободна и может укатывать на все четыре стороны.

После смерти матери отец ушел в окончательный запой. Мать его сдерживала, а когда ее не стало — стесняться было некого. Анна часто думала: за что ей такая жизнь? Утром она поднималась рано. Стараясь не столкнуться с отцом, быстро завтракала и вылетала из дома. Иногда даже на завтрак времени не было, приходилось уходить голодной и есть уже на работе.

Но сегодня звезды были явно не на ее стороне, так как, столкнувшись с отцом в коридоре, она сразу поняла, что тот находится в приподнято-взвинченном состоянии и ему нужна *жертва*. То есть она, Анна. Так все и получилось. Отец сделал ей замечание противным голосом, что на кухне она не убрала за собой тарелку, и в холодильнике пусто, и вообще в квартире она давно не убиралась и продукты не покупала. И не мешало бы ей уже обзавестись семьей и съехать, а старого больного отца оставить в покое и дать ему жить и умереть спокойно. И что таких дурочек от науки, как она — полным-полно, а она просто ничемная старая дева. Что нужно было приобретать другую, более хлебную и нужную специальность... Ну и все в таком духе. Специально, чтобы ее вывести из себя.

Анна сдерживалась изо всех сил, но все же ее губы задрожали, и она ринулась в ванную, чтобы там закрыться и смотреть, как течет вода. Это

было ужасно глупо — поддаваться на дешевые провокации отца, но она ничего не могла с собой поделывать. Такие стычки ранили ее до слез...

— Он над тобой измывается, а ты терпишь, — сердито говорил ее начальник Василий Курочкин.

— Ну не драться же мне с ним, — возражала Анна.

Она бросила взгляд на часы — надо быстренько приводить себя в порядок и выходить из дома — а то она опоздает на работу.

Анна закрыла кран и бросила на себя взгляд в зеркало. Ничего хорошего она там не увидела — лицо в красных пятнах от слез, бесцветные волосы, выцветшие брови и легкая россыпь веснушек на носу.

Мышь серая, охарактеризовала она себя.

«И еще синий чулок и старая дева», — добавил кто-то внутри нее голосом отца.

Анна взяла полотенце и промокнула лицо, а потом энергично растерла кожу. Теперь вид был не такой заплаканный. Чуть посвежее. Анна подавила вздох и, открыв ванную, быстрым шагом направилась в коридор.

— Не забудь сегодня хоть что-то поесть купить! А то меня с голоду уморишь. Ученка! — И отец рассмеялся ехидным смешком. После того как довел ее до слез — был бодр и свеж.

Анна сорвала куртку с вешалки, накинула на шею длинный шарф, поправила на плече сумку и рванула вперед, с силой хлопнув дверью. Собственно, это хлопанье дверью и было ее своеобразной формой протеста против отцовского

деспотизма. К сожалению, почти единственной. Ну чем она могла ему ответить? Ругаться не умела, наказывать молчанием — смешно, и в самом деле — не драться же? Хотя Василий сказал, что он бы точно врезал ее папашке. Будь на ее месте.

— Ты не на моем месте, — отрезала Анна, — а на своем.

Лифт к ней не торопился, он деловито сновал вверх-вниз, перевозя людей. Она закинула шарф за плечо и понеслась вниз по лестнице, при этом один конец шарфа соскользнул на пол, и Анна чуть не упала прямо на ступеньки, если бы вовремя не схватилась за перила.

— Ну и ну, — покачала она головой. — Только перелома ноги мне не хватало...

В метро Анна всматривалась в лица людей, сидевших напротив. Иногда ее увлекала эта игра с угадыванием: чем занимаются эти пассажиры, как протекает их жизнь, о чем они думают и мечтают.

— Рыжикова, да ты фантазерка! — вертела головой ее студенческая подруга Ника Полетаева. — Ей-богу, что за мысли лезут тебе в голову.

— Обычные, — упрямо отвечала Анна. — Обычные мысли. А разве тебе не интересно — что за люди окружают тебя?

— Не-а, — мотала головой Полетаева, — ничуть. Если это не касается лично меня, то совсем неинтересно. — При этих словах она задумчиво прикусывала указательный палец и устремляла вперед взгляд темно-голубых глаз.

— Полетаева, — бросала в ответ Анна. — Ты не-исправима! Тебя интересует только собственная персона.

— Конечно... Это правильно...

— Ну нет! — возражала ей Анна.

На этом их спор, как правило, обрывался. Никто не хотел продолжать его. Несмотря на абсолютную непохожесть, почему-то с первого курса они подружились и частенько ходили вместе на разные мероприятия и тусовки. Правда, Полетаева выбиралась куда-то регулярно, а Анна лишь в свободное от учебы время.

— Нельзя быть такой серьезной, — встряхивала роскошными белокурыми волосами Полетаева. — Так ты никогда не выйдешь замуж. Мужчины не любят серьезных.

— Ну и плевать, — упрямылась Анна. — Кому надо, полюбит и так.

Ника Полетаева твердо знала: чего она в жизни хочет. Найти себе мужа, который обеспечит красивую яркую жизнь. Желательно за границей. Впоследствии этот пазл у нее сошелся идеально: она вышла замуж за швейцарца и в настоящий момент проживала в стране шоколада, сыра и альпийских лугов.

А их дружба свелась к обмену сообщениями в чатах и по электронной почте. И то — довольно редко.

Объявили ее станцию. А она, погрузившись в воспоминания, чуть не проехала!

Анна выше подняла голову и тряхнула волосами.

И вынырнув из переполненного вагона, почти бегом направилась к эскалатору.

Анна хорошо помнила тот момент, когда она впервые появилась на работе. Ее, аспирантку, направили совсем в другой отдел, но она по ошибке поднялась наверх, вошла в тесную комнату и остановилась как вкопанная.

Даже самой себе не могла бы она объяснить, что так прельстило ее в этом помещении.

— Пространство было каким-то особенным, — объясняла она потом Василию. Но тот только смеялся:

— Ну ты даешь, чем особенное-то?

Ну как это объяснить?.. Да, комнатка была маленькой, но через окно сверху падал какой-то необъяснимый свет — мягкий, рассеянный, как будто бы сквозь линзы... Как у Леонардо на его картинах. То самое знаменитое сфумато...

А здесь сфумато было повсюду. Все предметы словно парили в воздухе, преображенные этим светом...

А на шкафу стоял глобус с белой полярной совой наверху.

Анна не сразу заметила в углу высокого рыжего парня. Точнее — его голову, торчащую из-за шкафа. Он смотрел на посетительницу с удивлением. Она молчала, наконец он кашлянул, и Анна очнулась.

— Вы к кому? — раздался мужской голос, который показался Анне трубой иерихонской.

— К... вам, — нашлась она.

— Ко мне? — Владелец зычного голоса изрядно удивился и вышел из-за шкафа. — Вы, девушка, точно адресом не ошиблись?

— Нет. Я — аспирантка, — прибавила Анна. — А вы?

— Я руководитель центра культурологических исследований российской государственности начала двадцатого века.

Решение пришло молниеносно.

— Я буду писать диссер по вашей теме. У вас есть аспиранты?

Вопрос этот поверг руководителя центра в шок. Он молчал. Потом потер пятерней подбородок, затем рука нырнула в волосы:

— Н-нет.

— Вот видите. А между тем аспиранты вам нужны. Ни один уважающий себя научно-исследовательский центр или структура не могут быть без аспирантов.

— Нужны-то нужны, да где их взять? Сейчас все больше по западной истории шуруют, забыли отечественную-то. Или такое наворотят, что диву даешься!

— Одна из аспиранток уже перед вами.

— У вас какая тема?

— Пока она точно не сформулирована, но можем подумать вместе с вами. Во всяком случае, культурология и государственность меня очень интересуют, — заявила Анна, у которой была тема: «Западноевропейская ментальность в XXVII веке».

Кому сказать, что ее очаровала сама комната — нездешняя, странная, прелестная? Все равно ни-

кто не поверит! Анне, у которой, собственно говоря, не было своего дома, — эта комната сразу пришлась по душе.

— А чай можно у вас выпить? — спросила она внезапно севшим голосом.

— Даже кофе есть. Не лыком шиты.

— Ну вот и спасибо на этом. Будем знакомы, — спохватилась Анна. — Рыжикова Анна.

— Василий Курочкин. А аспиранты центру и правда нужны. — И как бы упреждая ее вопрос, он поднял вверх руку: — Чуть позже обо всем переговорим. Но сразу говорю — руководитель я строгий. Так что без обидок, ладно?

— Обидок не будет.

— Вот и славненько.

— А почему у вас глобус с совой?

Курочкин почесал затылок:

— Слышала выражение: «Натянуть сову на глобус»? Что означает подтасовку фактов и манипулирование источниками для обоснования своей точки зрения. Так вот, эта сова здесь как напоминание о том, что заниматься этим ни в коем случае не стоит. Настоящий ученый должен быть добросовестным и честным исследователем.

— Понятно, — улыбнулась Анна. — Наглядное пособие. А почему сова полярная?

И тут Вася Курочкин смутился.

— У Гарри Поттера такая же. А племянник обожает Гарри Поттера.

Но Ане показалось, что Вася сказал о себе.

С той поры и началась их странная дружба. Странная, потому что пощады Василий своей аспирантке не давал и частенько доводил Анну до слез придирами и дотошностью. Ей казалось, что он просто придирается. И незаслуженно — потому что хочет показать над ней свою власть. Самодурничает, как говорила про себя Анна.

Но когда у нее получалось, то Василий ее хвалил. Мог даже погладить своей ручищей ее руку. И голос его тогда становился медовым-медовым.

— Ну молодец, Анюточка! — тянул он. — Ты у меня самая умная и разумная.

И он часто ее выручал. Если Анне не хотелось идти домой, он разрешал оставаться на работе и спать на диванчике, в обход всех правил. И Анна, счастливая, засыпала на этом узком продавленном диване, который казался ей райской постелью. Только бы не быть дома с вечно пьяным отцом...

— Ты и в науку, наверное, пошла, чтобы от него подальше... — как-то брякнул ей Василий.

— А что? — покраснела Анна. — Нельзя?

Но на самом деле ей нравилось рыться в документах, искать факты, данные, которые потом складываются в стройную логичную версию или статью. Но об этом она никому не говорила.

На улице было холодно. Но, несмотря ни на что, Анна любила осень. Причем любую. И звонко-яркую, когда синее небо так красиво оттеняет разноцветные деревья, и начинающиеся холода, укутывающие город призрачной дымкой, и пер-